

Эти слова вызвали новую волну суеты. Все понимали, что имел в виду генерал Юй: подобные происшествия обычно либо были несчастным случаем, либо чьим-то злым умыслом. Лошадь внезапно сходит с ума — это крайне редкое явление, и то, что она направилась прямо к принцессе, которая впервые оказалась на плаце, почти исключало возможность простой случайности.

Ученики, сидевшие на лошадях, уже спешили, передав поводья слугам, и положили луки.

Генерал Юй был невысоким и крепким, с очень темной кожей, и сейчас, с мрачным выражением лица, он выглядел особенно сурово. Он холодно оглядел всех, подошел к Жун Цзянь и, поклонившись до земли, произнес:

— Виновный слуга не смог обеспечить должный порядок, и Ваше Высочество подверглись опасности.

Жун Цзянь словно не слышала, она еще не пришла в себя и, не обращая внимания на приличия и окружающих, продолжала держать руку Мин Е, будто это было единственное, на что она могла опереться.

Несколько минут назад Мин Е стоял перед ней, и этими же руками перерезал горло обезумевшей лошади, остановив поток крови.

Мин Е не отпускал саблю, позволяя Жун Цзянь держать его руку.

Генерал Юй, стоявший близко, вероятно, видел это, но ничего не сказал.

В такой момент ничего не считалось неуместным, и он сохранил бы молчание.

Ситуация была крайне срочной, и всего через полчаса помощник командира Чжан прибыл с десятками охранников, окружив плац.

Помимо допроса всех присутствующих, главной задачей было сопроводить принцессу обратно во дворец.

Жун Цзянь услышала быстрые шаги приближающихся людей.

Она подняла глаза на Мин Е, ее глаза были затуманены, ресницы влажными, она не хотела отпустить руку Мин Е, но должна была это сделать.

Прежде чем все окружили их, Жун Цзянь тихо сказала:

— Что мне делать, я боюсь.

Ее покрасневшие глаза, казалось, больше не могли выдерживать тяжесть, и холодная слеза упала на тыльную сторону руки Мин Е, которую она держала.

Мин Е посмотрел вниз.

Слезка была такой маленькой, что быстро смешалась с кровью, став ее частью.

Он поднял левую руку, она вдруг стала тяжелой, и ему пришлось приложить усилия, чтобы поднять ее, и, прежде чем подошли охранники, он слегка коснулся лица Жун Цзянь:

— Да, я знаю.

В окружении толпы Жун Цзянь хотела обернуться, чтобы еще раз взглянуть на Мин Е, но не смогла.

Остальные охранники начали пересчитывать людей на плаце.

Евнухов, разумеется, сразу арестовали и отправили в тюрьму. Со студентами было сложнее, так как те, кто учился в Покоях Янфу, были из знатных семей, и их родственники занимали важные посты в правительстве. Один неверный шаг — и можно было нажать врагов. Помощник командира Чжан приказал своим подчиненным собрать студентов в одном месте, отвести их в боковое здание и держать там отдельно, с едой и напитками, но без возможности видаться или общаться с посторонними, пока император не примет решение.

Большинство студентов были еще несовершеннолетними, молодыми и неопытными, и теперь они были в панике. В таком важном деле, если кто-то осмелился на преступление, он мог свалить вину на другого, и каждый боялся стать козлом отпущения. Лишь несколько человек сохраняли спокойствие и не проявляли беспокойства.

Фэй Шичунь стоял в толпе, внешне спокойный, но внутри сжимая кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

Он сказал:

— Какая жалость.

Вокруг царил хаос, и никто не услышал его слов.

Генерал Юй также находился на плаце и, пока его не допросили, не мог быть исключен из подозреваемых. Но он тоже не нервничал, задумчиво спросив:

— Откуда ты родом, какого звания, что смог в одиночку убить обезумевшую лошадь? Я никогда о тебе не слышал.

Мин Е оставался спокойным, без радости от спасения принцессы или страха перед смертельной опасностью. Он посмотрел на засохшую кровь на лезвии, поднял руку и вложил саблю в ножны, равнодушно ответив:

— Простой человек. Не стоит внимания.

Генерал Юй посмотрел на него и больше ничего не сказал.

Не исключено, что он сам мог быть причастен к этому.

Мин Е не обращал внимания на его взгляд, сейчас его это не волновало.

Он думал о слезах Жун Цзянь.

Мин Е не раз видел, как люди плачут, с детства он наблюдал, как многие умоляли о пощаде перед смертью, но никогда не испытывал никаких эмоций.

У него не было столько чувств, чтобы их выражать, он не считал слезы проявлением слабости, просто они были бесполезны.

Мин Е не делал бессмысленных вещей, поэтому не плакал.

— Слезы Жун Цзянь были другими.

Только что Мин Е ясно осознал это.

Он наклонился и поднял что-то рядом.

Это была сломанная золотая шпилька, упавшая с волос Жун Цзянь в тот момент, когда никто не обращал на это внимания.

Это была не первая вещь Жун Цзянь, которую Мин Е подбирал.

Жун Цзянь носила много украшений, хрупких вещей, совершенно не похожих на саблю и деревянную шпильку Мин Е. Серьги разбивались, шпильки ломались, Жун Цзянь была такой же хрупкой, как эти изысканные украшения, и даже Мин Е начал сомневаться.

Сможет ли она выжить? В этом дворце, будучи такой наивной, хрупкой и слишком доброй, сколько она сможет прожить?

Когда Жун Цзянь, окруженная толпой, возвращалась во Дворец Чанлэ, она уже почти пришла в себя.

Это была всего лишь встреча с угрозой смерти, и способ не был особенно оригинальным. В современном обществе в криминальных программах часто показывали убийства, используя, например, автомобильные аварии.

Жун Цзянь утешала себя, что бояться не стоит.

Она так думала, но, вернувшись во Дворец Чанлэ, где в комнате было тепло, горел огонь в очаге, а тетушка Чжоу отсутствовала, маленькие служанки были напуганы внезапным появлением охранников и не смели пикнуть.

Жун Цзянь была очень уставшей и, укрывшись в плотных занавесках, погрузилась в глубокий сон.

Ей снилось много снов, все они были отрывочными, без логики.

Там были воспоминания о ее школьных годах, комментарии, которые она оставляла, выражая свою любовь к главному герою, а также воспоминания о прошлой жизни, теплые объятия Жун Нин, холодное лицо вдовствующей императрицы. Было много сцен встреч с Мин Е, но самое яркое впечатление оставила их первая встреча, когда Мин Е подарил ей камелию.

Она спала очень долго.

В долгом сне Жун Цзянь наконец осознала, что заболела.

Случай на плаце, где принцесса чуть не погибла, быстро разнесся по дворцу, и все стали бояться, как бы не оказаться замешанными.

С наступлением ночи все дворцы закрыли свои ворота, и никто не осмеливался лишней раз заговорить. Даже драгоценная супруга Сяо, которая обычно ждала императора до поздней ночи, сегодня рано легла спать.

Только несколько охранных постов вокруг плаца работали всю ночь, допрашивая всех, кто был задержан днем.

Евнухи, служившие на плаце, и те, кто мог контактировать с лошадьми, были арестованы по спискам и ожидали допроса.

Цзиньивэй относились к студентам из Покоев Янфу гораздо вежливее, днем обыскали их вещи в книжной зале. Вечером сначала подали горячий суп и еду, а затем начали опрашивать.

Конечно, порядок допроса был тщательно продуман. Студенты, чьи наставники были министрами, или те, кто происходил из знатных семей, шли первыми, а чем ниже был их статус, тем дальше их ставили в очередь.

Фэй Шичунь внешне тоже был из благородной семьи, его семья унаследовала титул герцога, но это было заслугой прошлой династии. После прихода к власти Жун Шихуая, он не хотел вносить радикальных изменений и оставил старых чиновников, но и не давал им важных постов. В семье Фэй уже не было никого на высоких должностях, и в глазах охранников Фэй Шичунь был незначительной фигурой.

К глубокой ночи наконец дошла очередь до Фэй Шичуня. Помощник командира Чжан обращался со студентами уважительно, но в охранном посту условия были далеки от домашних. Было холодно, и Фэй Шичунь был в плохом настроении, отвечал с раздражением.

Сидящий напротив него офицер улыбнулся, его тон был насмешливым, как обычно у цзиньивэй:

— Я понимаю, что господин Фэй торопится, но все эти господа тоже не хотят задерживаться. Если вы допустите ошибку, а я запишу что-то не так, вы, возможно, не только сегодня, но и в будущем не сможете вернуться домой.

Фэй Шичунь замер, в его груди вспыхнул гнев, он едва сдержался, чтобы не убить этого надменного слугу. Но он понимал, что император сейчас не вмешается, поэтому сдержанно ответил:

— Вы правы, это моя ошибка.

В такой момент никто не осмеливался ссориться с цзиньивэй, от которых зависела жизнь студентов.

Авторское примечание: Если у человека есть чувства, он становится уязвимым.

Благодарю за чтение, в комментариях разыграю двадцать красных конвертов.

<http://bllate.org/book/16310/1471495>